

Модель для сборки: американская научная фантастика в советских журнальных публикациях 1960-1980-х гг.

© 2022 Н.А. Мороз

A Model Kit: American Science Fiction in Soviet Popular Science Magazines of 1960s – 1980s

© 2022 Nina A. Moroz

УДК 82.-01

https://doi.org/10.54791/27823792_2022_3_46_59

Информация об авторе: Нина Анатольевна Мороз, к.ф.н., старший преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: nina.a.moroz@gmail.com

Ключевые слова: научная фантастика, «воображаемый Запад», холодная война, перевод, адаптация.

Аннотация: В статье рассматривается проблема бытования американской научной фантастики на страницах советских журналов последних двух десятилетий холодной войны. В качестве материала выбраны публикации в двух научно-популярных изданиях для молодой аудитории – «Юный техник» и «Знание – сила». На примере нескольких публикаций (рассказы К. Саймака, Ф. Брауна, М. Клингермен, С. Кинга и др.) проанализировано конструирование «воображаемого Запада», стратегии работы переводчиков

Information about the author: Nina A. Moroz, Ph.D., Senior Lecturer, Department of the History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia. E-mail: nina.a.moroz@gmail.com

Keywords: science fiction, Cold War, “imaginary West”, translation, adaptation.

Abstract: The paper focuses on the American science fiction stories published in the Soviet magazines of the last two decades of the Cold war. The analysis is based on the publications of the two Soviet popular science magazines for young audience, *Yuny Tekhnik (Young Technician)* and *Znanie – sila (Knowledge is Power)*. A close study of several publications (short stories of C. Simak, F. Brown, M. Clingerman, S. King, etc.) makes possible to describe the strategies of Soviet translators and editors constructing the “imaginary West”. Besides basic statistics of publications per year and decade, I was especially interested

и редакторов. Помимо статистики научно-фантастических публикаций за разные годы и десятилетия, нас особенно интересовали эффекты, которые рождаются на пересечении двух тенденций. Во-первых, конструирование образа Запада осуществлялось исходя из идеологических задач советских изданий. Редакторскими инструментами служили отбор авторов и произведений, предпочтение отдельных тем, комментарии, предисловия и послесловия к рассказам. Кроме того, советские переводчики, не стесненные авторским правом, в значительной степени адаптировали произведения для советской аудитории – сокращали текст, опускали «ненужные» детали, меняли названия. В целом при редактировании и переводе американской научной фантастики происходит отказ от исторической конкретики, религиозных образов, а иногда и литературных аллюзий, усиливается идея абстрактного добра, которое по-прежнему в несправедливом и несправедливом капиталистическом мире. Во-вторых, рецепция американской научной фантастики и формирование образа Запада определялись не только редакционной политикой, но и самими особенностями жанра и спецификой журнального формата (соседство с другими публикациями, оформление журнала, иллюстрации и т.д.). Произведенный анализ позволяет предположить, что изначальная идеологическая предпосылка («Запад идет к самоуничтожению») обретает в восприятии советских читателей американской фантастики солидный противовес.

Аниндита Банерджи в своей книге «Мы, современные люди: научная фантастика и сотворение русской модерности» (2012)¹ описывает особую роль российских научно-популярных журналов рубежа XIX-XX вв.

¹ *Banerjee A. We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2012.*

in the effects produced by the two opposite tendencies. First, the image of the West had certain ideological implications. Soviet editors used various techniques, e.g. a careful selection of authors and titles; a preference for particular themes; accompanying publications by comments, a preface, and/or an afterword. Furthermore, as Soviet translators were not constrained by copyright, they abridged stories, omitted “unnecessary” details, changed titles, etc., adapting American science fiction for Soviet readers. Generally speaking, to adapt often meant to omit particular historical details, religious imagery and even literary references, and to emphasize abstract virtues that were confronted by the unfair and unrighteous Western society. Second, Soviet readers’ reception of the American science fiction was determined not only by the adaptation strategies, but also by the peculiarity of the genre itself and by the specifics of magazine publications (neighbouring publications, design of the magazine illustrations, etc.). It is possible to suggest that the basic ideological premise (expected self-destruction of the West) gets a significant counterbalance.

в становлении отечественной научной фантастики и – шире – российской модерности. На наш взгляд, изучение журнальной культуры последних советских десятилетий в ситуации холодной войны не менее плодотворно и может оказаться полезным в том числе для понимания сложного феномена «воображаемого Запада» (термин Алексея Юрчака¹). В задачи этого небольшого исследования входило изучение редакторских и переводческих практик адаптации американской научной фантастики для советской аудитории, в условиях господства официальной антизападной идеологии.

С середины 1960-х годов западная и, в частности, американская научная фантастика становится важной составляющей советской журнальной культуры. Научно-фантастические произведения публикуются в популярных изданиях просветительской направленности – преимущественно естественно-научной и научно-технической, особенно предназначенных для подростковой и молодежной аудитории: «Юный техник», «Знание – сила», «Техника – молодежи», «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь» и др. Помимо центральных (всесоюзных) изданий, переводы фантастики публикуют журналы, выходившие в республиках СССР, в том числе на национальных языках: «Наука і суспільство» («Наука и общество», на украинском и русском языках, Киев); «Знання та праця» («Знание и труд», на украинском языке, Харьков – Киев), «Zinātne un tehnika» («Наука и техника», на латышском и русском языках, Рига); «Звезда Востока» (на русском языке, Ташкент) и др.

Мы рассматривали публикации 1965–1985 гг. в двух центральных изданиях, ориентированных на молодую аудиторию, – «Знание – сила» и «Юный техник». «Знание – сила» – ежемесячный научно-популярный журнал для молодежи. Журнал был создан в 1926 г. под руководством ЦК ВЛКСМ, его главной задачей провозглашалось естественнонаучное и техническое просвещение школьников. Впоследствии спектр наук, которым посвящались публикации, расширился, в него вошли и гуманитарные дисциплины. Расцвет журнала – последние десятилетия СССР, 1965-1989 гг., когда редакцию возглавляла Нина Сергеевна Филиппова. В 1967-м тираж достиг 700 000 экземпляров (впоследствии немного снизился); в 1968-м журнал «Знание – сила» был передан в ведение Всесоюзного общества «Знание». В это же время с журналом начинают

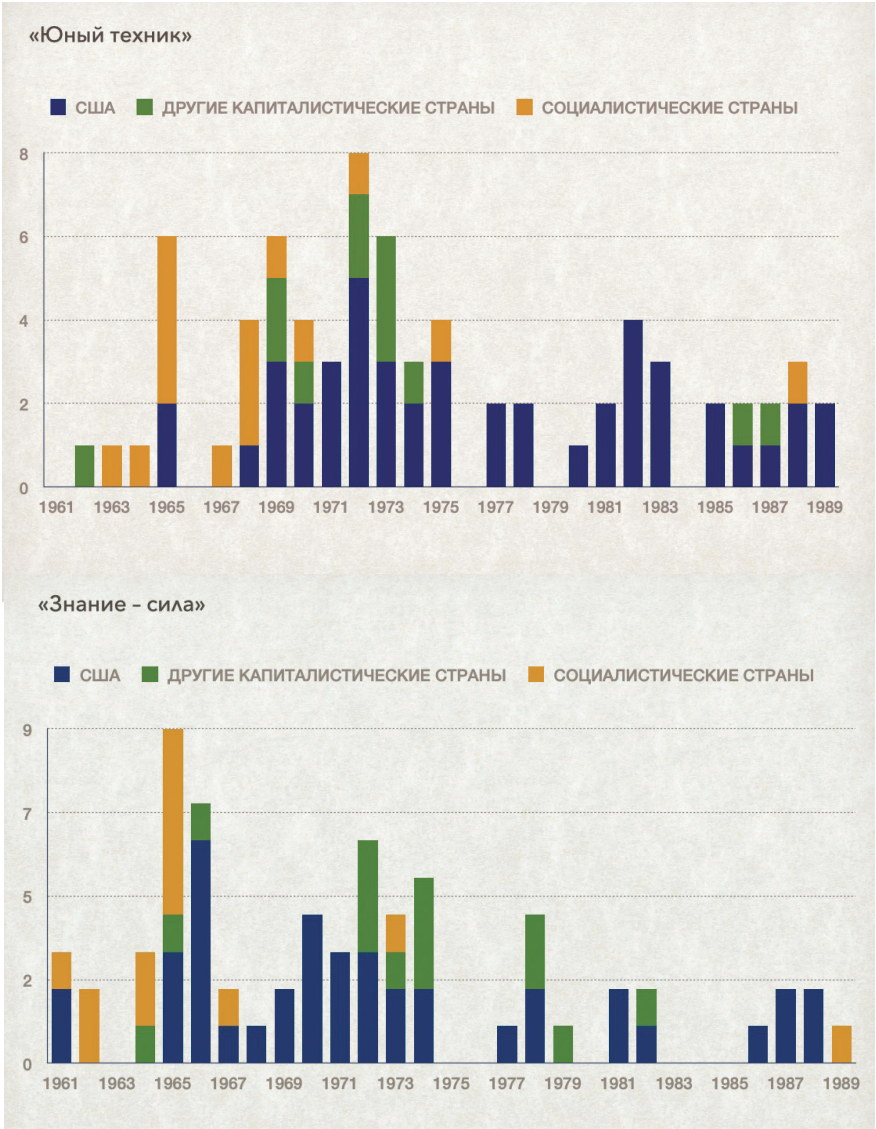
¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 319.

сотрудничать художники-нонконформисты, определившие уникальный дизайн издания.

«Юный техник» – ежемесячный научно-технический журнал для подростков, издававшийся под патронатом комсомола и пионерской организации, ориентирован на средний и старший школьный возраст. Создан в 1956 г. для популяризации науки и профессиональной ориентации школьников, с самого начала публиковал советскую и западную научную фантастику – в основном рассказы. В начале 1980-х имел огромный тираж – два миллиона экземпляров.

В рассматриваемый период «Юный техник» публикует один научно-фантастический рассказ в каждом номере, т.е. ежемесячно. В 1965 г. появился раздел «Страна Фантазия», в котором публиковались произведения фантастов, как советских, так и западных. Советские и зарубежные авторы печатались под одной рубрикой (в обоих изданиях). С 1961 по 1989 гг. в двух журналах суммарно выходят около 80 научно-фантастических рассказов американских писателей. Очевидны редакционные предпочтения: в «Юном технике» это А. Азимов (5 рассказов), Р. Шекли (4), Г. Гаррисон (3) и, неожиданно, Р. Силверберг, который вырывается в лидеры в начале 1980-х (четыре рассказа, все в переводе Виктора Вебера). В журнале «Знание – сила» за весь период выходит всего один рассказ Азимова, зато много печатаются Р. Шекли (семь рассказов, почти все – в переводах Нинели Евдокимовой) и Р. Брэдбери (4). В целом, в обоих изданиях обнаруживается большое разнообразие – 21 автор в «Юном технике», 24 – в «Знание – сила». Большинство имеют по одной-две публикации: Фредерик Браун, Кристофер Энвил, Курт Воннегут, Джон Эзертон, Артур Порджес и др.

В 1960-е оба журнала публикуют рассказы писателей социалистических стран – в основном это Польша (Станислав Лем, Кшиштоф Новицки, Анджей Чеховски, Славомир Мрожек) и Чехословакия (Властислав Томан; после 1968 года чешские авторы больше не печатаются). К концу 1960-х доля западных и, конкретно, американских авторов постепенно увеличивается, достигая максимума к 1972–1974 гг. – до половины всех годовых публикаций фантастики (см. составленные нами графики 1 и 2). Доля уменьшается в середине 1970-х, резко падает с началом войны в Афганистане и немного возрастает к началу перестройки. Во время перестройки она держится на стабильном, но низком уровне. По другим журналам ситуация похожая, за исключением «Вокруг света» – возможно, из-за общей тематики издания. Процент писателей из США среди зарубежных авторов очень высок в обоих случаях – 62 и 63%.

Всплеск публикаций американских авторов примерно соответствует периоду «разрядки». Так, в 1979-1980 гг. либо происходит полный отход от западной фантастики, и нишу полностью занимают советские авторы, либо, как в журнале «Знание – сила», в 1979-м, среди советских публикаций выходит единственный рассказ француза Мишеля Демота; авторов из Восточной Европы в это время мало.

Интересно, что с изменением политической ситуации меняется количество публикаций, а набор тем и мотивов трансформируется незначительно. Это космические полеты и посещения других планет (26); контакты с внеземными цивилизациями, которые происходят на Земле (12); путешествия во времени (10). Очень мало рассказов о роботах (всего три – в т.ч. два о преимуществах человека перед роботами); никак не представлена проблема киборгов.

Многие сюжеты, например, вариации «петли времени» у разных авторов или технические головоломки Шекли, на первый взгляд, не имеют идеологического измерения, но среди популярных тем есть жестокость колонистов и неуважение к природе осваиваемых планет, милитаризм, расовые предрассудки. Один из критериев отбора рассказов для публикации – наличие сатирических элементов или эксплицитная критика каких-либо социальных явлений. Другое дело, что для американцев это критика изнутри, которой советские редакторы пользуются как идеологическим оружием. В отдельных случаях рассказы в журналах сопровождаются комментариями или послесловиями. В 1981-м читателей рассказа С. Кинга «Сражение» в журнале «Юный техник» предупреждали: «Часто фантастические произведения становятся беспощадной сатирой на окружающую действительность»¹.

Примечательно что почти две трети (64%) всех переводов (и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е) составляют рассказы, опубликованные в США в 1950-е; есть несколько рассказов 1940-х годов. Вне зависимости от политической ситуации «воображаемый Запад» стабильно определяется темами американской фантастики 1950-х, в том числе теми, которые впоследствии утратили злободневность или изменили свое наполнение в США – например, межрасовые отношения. При этом, например, тематика холодной войны и ядерной угрозы, чрезвычайно актуальная в 1950-е в США, в явном виде присутствует редко. Естественно, переводы произведений, подобных романам Роберта Хайнлайна «Кукловоды» (1951) или Джека Финнея «Похитители плоти» (1954), невозможны, идея противостояния систем может присутствовать только в сглаженном или замаскированном виде. В большинстве случаев обнаруживается, что Запад и США «порочны» сами по себе, с позиции некоей высшей морали. Среди немногих интересных исключений – публикация рассказа «Произнесите мое имя с буквы С» (“Spell My Name with an S”, 1958) А. Азимова в 1982-м в ташкентском

¹ Кинг С. Сражение / Пер. с англ. Л. Володарского; рис. В. Овчининского // Юный техник. 1981 № 10. С. 38.

журнале «Звезда Востока»¹ – очевидно, невозможная в центральном издании: американский ученый по совету нумеролога меняет в своей фамилии одну букву – Z на S – чем привлекает подозрение разведки, зато, в конечном итоге, предотвращает ядерную войну. В переводе упоминается «железный занавес» и разработка ядерного оружия, сохранен основной конфликт, но есть незначительные сокращения (например, когда советский ученый – однофамилец американца – исчезает, опущен комментарий «русские не глупее нас и не убивают своих ядерных физиков, если этого можно избежать»² и т.д.).

В 1975-м в «Юном технике» был опубликован рассказ «Игрушки» Джека Уильямсона (“The Peddler’s Nose”, 1951)³ – яркая демонстрация того, как западный мир, ничего не подозревая, поддается соблазнам. На этом примере можно проиллюстрировать способы адаптации литературного материала при публикации: переводчик отсекает все «лишнее» и усиливает мотив соблазна. В рассказе Уильямсона американский городок посещает торговец с далекой планеты, который предлагает детям опасные игрушки в ярких упаковках. Торговца вовремя останавливают представители межпланетной власти, игрушки обезвреживают, и его настигает возмездие – он гибнет от обыкновенной земной простуды. В оригинале торговец предлагает детям опасный естественнонаучный эксперимент: «Надо только бросить одну капсулу в ведро с водой и подождать, пока она растворится. В воде из атомов водорода начнут синтезироваться атомы гелия – бесплатная инструкция в приложении объясняет, что те же реакции заставляют звезды светиться»⁴. Сам по себе торговец не злонамерен и не аморален, он просто пытается заработать, не обращая внимания на технику безопасности. Рассказ вышел в США в 1951 г., как раз тогда, когда компания Альфреда Гилберта, на волне интереса к «мирному атому» выпускала игрушечный набор “Gilbert U-238 Atomic Energy Lab” (1950–1951) – детскую лабораторию, в которой можно было проводить простейшие опыты с радиоактивными материалами. Игрушка была признана опасной и перестала производиться.

¹ *Азимов А.* Произносите мое имя с буквы «С» / Пер. с англ. Н. Владимировой // Звезда Востока. 1982. № 2. С. 184–194.

² *Asimov I.* Spell My Name with an S // *Asimov I.* Nine Tomorrows. New York: Ballantine Books, 1985. P. 163.

³ *Уильямсон Дж.* Игрушки / Пер. с англ. Л. Брехмана; рис. Р. Авотина // Юный техник. 1975. № 3. С. 32–38.

⁴ *Williamson J.* The Peddler’s Nose // *Assignment in Tomorrow: An Anthology* / Ed. F. Pohl. New York: Doubleday, 1954. P. 158.

В переводе Л. Брехмана, опубликованном в журнале, часть инструкции, касающаяся звезд, опущена, на первый план выходит мотив соблазна. Торговец предлагает детям сделать водородную бомбу и освежить свои «военные игры»¹. Кстати, в такой версии сюжет почти полностью совпадает с сюжетом распространенной советской городской «антилегенды» об опасном иностранце, соблазняющем ребенка заграничным лакомством, которое оказывается отравленным, или игрушкой, которая взрывается (антропологи фиксируют ее всплеск во время Фестиваля молодежи и студентов 1957 года и накануне Олимпиады-80): «...задача этих антилегенд... очевидна – предотвратить контакты советских людей с иностранцами»; «человек из “мира капитала” вредит доверчивым советским людям, предлагая им в дар желанные западные вещи»².

В целом при редактировании и переводе американской фантастики происходит отказ от исторической конкретики, религиозных, а иногда и литературных аллюзий, усиливается идея «справедливости вообще», абстрактного добра, которое попрано в несправедливом капиталистическом мире и должно быть отомщено. Так, в переводе рассказа Ли Брекетт «Все цвета радуги» (“All the Colors of the Rainbow”, 1957)³ теряется шекспировская аллюзия («Виндзорские проказницы») и опускается фигура священника, за счет чего расовый конфликт предстает в упрощенном виде. Из перевода «Машины до Килиманджаро» Брэдбери (“The Kilimanjaro Device”, 1965)⁴ пропадает альбатрос Колриджа, да и важнейший хемингуэевский контекст затушевывается. В переводе рассказа К. Саймака «Поколение, достигшее цели» (“Target Generation”, 1953)⁵ сохранены значимые библейские аллюзии: сорок человеческих поколений сменились на корабле, который скитается в космосе в поисках «земли обетованной». Однако публикация сопровождается комментарием, который должен направить читателя на верный, «научный» путь: «Начало рассказа может показаться проникнутым мистикой... Но таинственный Конец оказы-

¹ Уильямсон Дж. Игрушки // Юный техник. 1975. № 3. С. 37.

² Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 369.

³ Брекетт Л. Все цвета радуги / Пер. с англ. А. Шарова и В. Коршикова; рис. А. Анно // Юный техник. 1982. № 4. С. 36–43.

⁴ Брэдбери Р. Машина до Килиманджаро / Сокр. пер. с англ. Норы Галь // Юный техник. 1974. № 12. С. 34–38.

⁵ Саймак К. Поколение, достигшее цели: [Фантастический рассказ] / Сокр. пер. с англ. А. Иорданского; рис. Б. Алимова // Знание – сила. 1965. № 1. С. 36–47.

вается всего-навсего концом... путешествия... И сам Корабль – уже не Корабль с большой буквы, а просто корабль, один из тех, которые люди с Земли послали к звездам»¹.

Интересны нестыковки, возникающие при таком способе адаптации литературного материала. При публикации рассказа Фредерика Брауна «Звездная мышь» (“The Star Mouse”, 1942)² опускаются важные исторические детали. В рассказе Брауна, написанном в 1942-м, немецкий профессор Обербергер бежит в Америку во время Второй мировой войны, он беженец (“refugee”; “the Professor had made good his escape”³). В Вене и Гейдельберге профессор разрабатывал ракетное топливо, которое все время взрывалось, и эти неудачные эксперименты очень интересовали его соотечественников (“unsuccessful rocket fuel — which might have been a highly-successful something else”⁴), – прозрачный намек на немецкую ядерную программу. В переводе Л. Этуш все военные обстоятельства опущены, и профессор, живущий вне конкретной эпохи, просто «переселяется» в Америку из-за «чрезмерного интереса своих соотечественников — сильных мира сего... к некоторым его работам, связанным с ракетостроением»⁵. Зато в переводе появляются лишние детали, отсутствующие в оригинале: если бы не «сильные мира сего», «профессор продолжал бы жить в старой доброй Вене»⁶. Почему «старая добрая Вена» оказывается более враждебной к профессору, чем США, не поясняется. Вероятно, дело в том, что собственно фантастическая часть сюжета (профессор запускает в космос мышонка), разворачивается в Соединенных Штатах. Важно и то, что профессор – немец, живущий в чужой языковой и культурной среде: в переводе сохранены речевые особенности профессора и его стереотипная «немецкая» обстоятельность. Очевидно, более значительное вторжение в сюжет было бы разрушительным: переводчик посчитал, что выгоднее будет полностью отказаться от реалий Второй мировой войны и перенести действие во вневременное измерение – абстрактный западный мир, в котором «сильные мира сего» всегда думают о войне и наживе. Другое дело, что США в такой трактовке оказались менее опасны, чем нейтральная Австрия.

¹ Там же. С. 47.

² Браун Ф. Звёздная мышь / Пер. с англ. Л. Этуш // Юный техник. 1973. № 10. С.30–36.

³ Brown F. The Star Mouse // Planet Stories. Spring 1942. Vol. 1. No. 10. P. 28.

⁴ Ibid. P. 28.

⁵ Браун Ф. Звёздная мышь. С. 31.

⁶ Там же.

«Сражение» (“Battleground”, 1972)¹ – единственный перевод Стивена Кинга, опубликованный в «Юном технике» в советское время. Это рассказ о наемном убийце Реншо, который по заказу устраняет главу фирмы, производящей игрушки. В качестве мести мать убитого посылает Реншо набор живых солдатиков, с которыми он долго и трудно борется. Реншо почти побеждает, но в последний момент выясняется, что в наборе есть действующая модель термоядерной бомбы, которая его убивает. При публикации из рассказа неожиданным образом пропадают всякие упоминания матери, что добавляет мистики и без того фантастический сюжет: неизвестно, кто мстит Реншо и кто отправляет ему посылку с солдатиками и бомбой. Интересно, что, по всей видимости, сокращения были сделаны на последнем этапе подготовки публикации: на иллюстрации В. Овчининского в «Юном технике» есть пожилая дама. Возможный ключ: в оригинале мать жертвы и главная мстительница носит русский платок (babushka). Впрочем, эту деталь можно было просто опустить. Как бы то ни было, в сокращенной версии «Юного техника» Реншо наказан неизвестной силой, борющейся за справедливость.

У Кинга есть антивоенный пафос, тем более что он пишет «Сражение» во время войны во Вьетнаме. Иронично, что рассказ опубликован через год после начала советского вторжения в Афганистан, однако публикация сопровождается послесловием, напоминающем читателям о неизбывном и вневременном милитаризме американской цивилизации: «Миллионы игрушечных ракет, самолетов, подводных лодок выпускаются сегодня в Америке, с детства приучая ребят к мысли о войне... И завод продолжает штамповать “сундучки”, которые пробуждают в ребятах будущих “зеленых беретов”, наемников, таких же, как Реншо»².

Публикация рассказа Милдред Клиггермен «Черные, белые, зеленые...» (“Minister Without Portfolio”, 1952) демонстрирует одну из многих попыток «отключить» в переводе христианскую семантику и трансформировать христианскую мораль во внерелигиозную. Пожилая дама-дальтоник миссис Криссуэлл вступает в контакт с инопланетянами, сама не понимая, кого она встретила. Она наивно принимает их за иностранцев. Во время беседы с молодым человеком по имени Джорд (Jord; Йорд в переводе Э. Кабалевской) миссис Криссуэлл видит в его глазах удивляющую ее любовь, принимает молитвенную позу, закрывает глаза и обретает откровение

¹ Кинг С. Сражение / Пер. с англ. Л. Володарского; рис. В. Овчининского // Юный техник. 1981. №10. С.32–38.

² Там же.

(“in that attitude of prayer she felt a soft weightlessness descend upon her”). Ее посещает синестетическое видение, она в подлинном смысле слова прозревает: начинает видеть цвета, которые расцветают, как цветы, издают запахи, которые, в свою очередь становятся музыкой. Если учесть, что Йорд обещает показать ей «дом» (“Harmony Hills of home”)¹ – это, конечно, видение рая, истинного «дома». После этого Йорд и его друзья расспрашивают миссис Крисуэлл о земной жизни, начиная с вопроса, верит ли она в Бога. И хотя имя Chriswell имеет иную этимологию², в его звучании актуализируются христианские убеждения его носительницы (Christian, well); она добрая христианка. На следующий день новостные выпуски сообщают, что человеческая цивилизация спасена, поскольку на Земле найден один здравомыслящий человек (“one sane human found on earth”). Миссис Крисуэлл оказывается единственной праведницей, ради которой помилован мир.

В переводе пропадает и «любовь» в глазах Йорда (“before she shut her eyes Mrs. Chriswell saw the love in Jord’s”)³ – он просто «ласково» смотрит на нее, и молитвенная поза, и видение рая: Миссис Крисуэлл слышит «мелодию, полную красок»; пришельцы не задают ей вопрос о вере. Акцент перенесен на финал, который переведен почти без изменений: выясняется, что существа, с которыми беседовала миссис Крисуэлл, имеют зеленую кожу. Она не замечала этого из-за своего дальтонизма. Реплика миссис Крисуэлл в финале русскоязычной версии рассказа однозначно прочитывается как антирасистское высказывание: «Ну, ну, мои милые... не все ли равно, какого цвета у людей кожа! Красные... желтые... черные... Все мы люди»⁴. Очевидно, загадочные «судьи» помиловали ее и мир именно за толерантность, не случайно название рассказа изменено с “Minister Without Portfolio” на «Черные, белые, зеленые...». В оригинале фраза мисс Крисуэлл – «все мы дети Божьи»⁵, а мотив подлинного зрения, конечно, гораздо богаче.

Как бы то ни было, при всей строгости отбора и всех трансформациях, которые переживали произведения при подготовке к публикации, при всех попытках идеологизировать ее, американская научная фантастика в вос-

¹ *Clingerman M. Minister Without Portfolio // Invaders of Earth / Ed. by G. Conklin. New York: Vanguard Press, 1952. P. 218, 217.*

² От шотландского топонима Carswell / Creswell (буквально – «салатный колодец»).

³ *Clingerman M. Minister Without Portfolio. P. 221, 218.*

⁴ *Клингермен М. Черные, белые, зеленые... / Пер. с англ. Э. Кабалева; рис. Р. Авотина // Юный техник. 1972. № 6. С. 40, 42.*

⁵ *Clingerman M. Minister Without Portfolio. P. 222.*

приятии советского читателя была частью того, что американский социолог Алексей Юрчак называет «пространством внеаходимости»:

Присутствие в советской повседневности *иных* миров выразилось в 1960-х годах в колоссальном и быстром росте интереса к фактам, знаниям и видам деятельности, которые создавали ощущение удаленности от повседневного существования. К этим интересам и видам деятельности относились занятия иностранными языками и восточной философией... увлечение астрономией и научной фантастикой... увлечение альпинизмом, геологическими экспедициями и туристическими походами. Пространства, которые создавались в результате этих занятий... находились в отношениях внеаходимости к идеологическому дискурсу системы...¹.

Тезис Юрчака обретает особую значимость, если речь идет о журнальных публикациях фантастики – как известно, в СССР не было специализированных журналов научной фантастики, подобных американским. Собственно говоря, сам научно-популярный журнал обеспечивал вхождение в «пространство внеаходимости»: фантастический рассказ в номере журнала занимал закономерное место в ряду сообщений о научных открытиях и изобретениях. Примечательно, что западный мир в журналах присутствовал либо в кратких сообщениях об открытиях зарубежных ученых (например, в рубрике «Вести с пяти материков»), либо в научно-фантастической рубрике. В первую очередь это касается «Юного техника», где преобладал советский материал: советские новости науки и техники выглядели гораздо более приземленными в сопоставлении с космическими путешествиями и фантастическими изобретениями, к которым оказывались «причастны» американцы. Советский читатель получал двойную дозу экзотического: экзотический Запад становился проводником космической экзотики или экзотики будущего. Между прочим, советские фантасты, особенно писатели второго ряда, учитывали эту привлекательность и пользовались ею, создавая произведения в «западных декорациях», в которых действуют персонажи с «американскими именами» (например, рассказы Геннадия Максимовича и Владимира Рыбина, опубликованные в «Юном технике» в это же время).

Отдельно надо отметить уникальное оформление публикаций в журнале «Знание – сила». С 1967 по 1980 гг. главным художником журнала был Юрий Соболев; при нем рождается уникальный, ультрасовременный

¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. С. 314–315.

графический стиль издания, противопоставленный социалистическому реализму, с ориентацией на западные течения и стили – оп-арт, метафизическую живопись, сюрреализм, абстрактное искусство, отсылки к Эшеру, Магритту, Де Кирико и др. Особенно интересны иллюстрации к научно-фантастическим рассказам – рубрику «Страна Фантазия» оформляли Юло Соостер, Борис Алимов, Евгений Шеффер, Николай Кошкин, и др.¹.

Дарко Сувин в своей классической работе «Метаморфозы научной фантастики» (1979) указывает, что фантастика всегда подразумевает «когнитивное остранение»². Оно опирается на «новум» – техническое новшество, которое кардинально меняет привычную реальность. Сувин подчеркивает утопический потенциал фантастики: «Помимо... любознательности, которая приводит к семантической игре без ясного референта, этот жанр всегда был связан с надеждой обрести в неизвестном идеальную среду, род, государство, знание или другие аспекты Высшего Блага»³. Этот тезис парадоксально подсвечивает образ Запада в советских журнальных публикациях: Запад становится источником особой экзотики, обращенной в будущее, и если притягательность современного западного образа жизни редакторы и переводчики стремятся нивелировать за счет отбора произведений и адаптации при переводе, то привлекательность западного образа будущего сохраняется.

Литература

Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Миклушевская И.Н., Соостер М.Т. Образ журнала «Знание – сила» в 1960-е гг. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова, 2019, №2-1. С. 372–385.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

¹ О дизайне издания см. подробнее: *Миклушевская И.Н., Соостер М.Т.* Образ журнала «Знание – сила» в 1960-е гг. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова. 2019. № 2-1. С. 372–385.

² *Suvin D.* *Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre.* New Haven, CT: Yale University Press, 1979. P. 4.

³ *Ibid.* P. 5.

References

Arhipova A., Kirziuk A. *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [*Dangerous Soviet Liaisons: City Legends and Fears in the USSR*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2020. (In Russ.)

Banerjee A. *We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity*. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 2012.

Miklushevskaja I.N., Sooster M.T. “Obraz zhurnala *Znanie – sila* v 1960-e gg.” [“The Image of the magazine *Znanie – sila* in the 1960s”]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda. Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi khudozhestvenno-promyshlennoi akademii im. S.G. Stroganova* [*Decorative Arts and Object-Spatial Environment. Herald of Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts*] 2-1 (2019): 372–385. (In Russ.)

Suvin D. *Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre*. New Haven: Yale University Press, 1979.

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos’*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [*Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2016. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 01.10.2022

Received: 01.10.2022

Дата публикации: 15.12.2022

Published 15.12.2022